

Ксения Новгородцева
То, что нас убивает

Любовный роман

*Человек сам творит историю
своей болезни.*

Ксения Новгородцева

**То, что нас убивает.
Любовный роман**

«Издательские решения»

Новгородцева К. В.

То, что нас убивает. Любовный роман / К. В. Новгородцева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904329-0

Норман Андерсон — парень, который на протяжении долгого периода своей жизни борется с неизлечимой болезнью. Сражение за существование с каждым днем забирает все больше энергии и сил, но Норман должен справиться... Или нет? В любом случае это будет зависеть от его желания и, пожалуй, обстоятельств.

ISBN 978-5-44-904329-0

© Новгородцева К. В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТРИЦАНИЕ	6
ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	15
ГЛАВА III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

То, что нас убивает Любовный роман

Ксения Вадимовна Новгородцева

© Ксения Вадимовна Новгородцева, 2018

ISBN 978-5-4490-4329-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТРИЦАНИЕ

ГЛАВА I

Наркотики – лекарство от жизни...

Я открываю глаза. Лучи полуденного солнца едва касаются моей постели. В теле чувствуется некий дискомфорт. Обратил внимание на пол: взгляд остановился на разбросанных коробках модафинила. Проходит минут пять перед тем, как я осознаю, что произошло вчера.

– Милый, тебе необязательно оставаться одному этой ночью, – голос моей матери, как всегда, был полон беспокойства и тревоги.

Проходя по длинным и довольно узким коридорам уже родной лаборатории, я оглядывался по сторонам. В одной из осматриваемых мною комнат лежал мужчина с сединой на висках и капельницей у койки, в другой – молодой парень, которого консультировала одна из медсестёр исследовательского центра.

В конце коридора показались две фигуры. Прошло несколько секунд, прежде чем я смог разглядеть их: маленькая девочка в инвалидной коляске, которую медленно и аккуратно катила женщина, скорее всего, мать. Пристально смотрел на ребенка и понял, что её недуг в разы ужаснее и мучительнее, чем мой. Вскоре они подъехали ближе, и от девочки последовали следующие слова:

– Меня зовут Хейзел, а тебя как? – она протянула мне свою исхудавшую, сухую руку, полностью усеянную следами от игл.

Меня будто шарахнуло током, ибо не ожидал ни этих слов, ни того, что эта малышка вообще обратит на меня внимание. Я протянул ей свою руку, которая казалась намного массивнее и сильнее. Слабо сжав её пальчики, ответил:

– Норман... Меня зовут Норман, детка, – я слабо улыбнулся, чтобы скрыть свою растерянность. Её широкая улыбка, посланная в ответ, заставила расслабиться.

– А что значит Норман? Моё имя все сравнивают с лесным орехом, – внезапно она захохотала. – Мне кажется это очень забавным, а тебе?

Не зная, что сказать, я лишь кивнул, слегка приподнимая уголки губ. Открыв рот, чтобы ответить девочке на вопрос, услышал ледяной голос моей мамы:

– Извините, нам пора.

– Ничего, я понимаю, простите за Хейзел, – поспешила мама малышки, развернула коляску прямо и поехала.

– До свидания, Норман! – крикнула девочка.

– До свидания, выздоравливай как можно скорее! – ответил я, а затем взглянул на маму. Заметив холод в её глазах, прорычал

– Как можно быть такой равнодушной? Ты разве не заметила, что вместо ног у этого ребенка пара колес?

На мгновение её передёрнуло.

– Норман, эта девочка больна, разве ты не видишь? Не стоит еще больше и сильнее забивать её в угол, из которого она никогда не сможет выбраться. Ты должен понимать, что...

– Да перестань нести бред! Я тоже болен, мама, ты не обязана решать за других. Людям нужны люди, они должны общаться, чтобы хоть как-то поддерживать связь с миром и обществом! Именно это позволяет нам, страдающим болезнями, дальше дышать, ходить, наслаждаться жизнью. Любой день может быть последним для нас, ты не должна лишать людей шанса на примитивное общение, – прошипел я и развернулся, чтобы уйти из этого, полного негатива, места прочь.

– Вернись! – услышал, но наплевал на её возгласы.

Выбравшись на свежий воздух, мне стало тяжелее дышать, но я справлюсь, главное: быстрее оказаться дома, чтобы не стало хуже. Так всегда происходит: она никогда не могла понять чувства и состояние больных, потому что сама никогда этого не испытывала, и, надеюсь, не испытает. Я не виню её, но показывать такое бессердечие – не по мне. Знаю, что мама умеет сочувствовать другим людям, когда это необходимо, но почему нужно было сегодня поступать именно так?

Накинув пиджак на плечи, медленно начал движение. Каждую неделю я вижу одни и те же улицы, лица и действия. С каждым днём становится труднее всего описать то, что видишь каждый день, то, что стало привычным. Мы с мамой живем в Конкорде с населением, чуть превышающим порог в 79000 человек. Выбравшись за пределы лабораторного центра, передо мной протянулась асфальтированная дорога, а вдоль неё выстроились ряды небольших домиков, магазинов и прочих мест скопления большинства населения моего города. Я не привык задерживаться надолго в подобных помещениях, где концентрируется внушительное количество людей, в силу своего недуга, но иногда позволяю себе это сделать. Лёгкий ветерок шевелил мои волосы, я наслаждался тишиной и спокойствием.

Внезапно почувствовал, как мои веки стали тяжелеть, а ноги терять активность.

– Чёрт, – прошептал я, осознавая, что очередной приступ настигает меня.

Пошарив в кармане пиджака, нашел пачку сигарет, надеясь, что там осталось хоть что-то. К счастью, последняя сигарета, чуть мятая и скомканная, оказалась в пачке. Вытащив, я понял, что мне нечем её зажечь. Дьявол!

Оглядевшись, мои глаза остановились на небольшом ларьке, который находится примерно в ста метрах от меня. Стараясь держать себя в руках и не паниковать, я направился к цели. Моё тело начинало чувствовать приближение дикой усталости, которую никто не в силах побороть.

Единственное, что сейчас может мне помочь, хоть и ненадолго, – хорошая затяжка. Наконец, я приблизился к магазинчику, начал рыскать по карманам, чтобы найти деньги, но прямо перед целью споткнулся. Лёгкая одышка сопровождала моё дыхание, но я смог удержаться на ногах. Девушка из ларька высунула голову в окошко:

– С Вами всё в порядке?

Не поднимая корпуса, я произнёс:

– Зажигалку, спички... Что-нибудь... Быстрее!

Мне немедленно требуется доза никотина, иначе я не выдержу.

Продавщица скрылась внутри своей каморки буквально на секунду, после чего выбежала и подожгла сигарету, которая почти вся промокла в моём рту. Сделав затяжку, я почувствовал, как сонливость, медленно, но начала отступать.

– Спасибо, – поблагодарил я молодую девушку и протянул ей купюру. Взглянул на неё. Приятное лицо, волнистые волосы янтарного цвета, глаза того же оттенка, рост чуть ниже моего. От неё веяло какой-то загадочностью, но в то же время она казалась невероятно простой и искренней.

– Нет, что Вы, не стоит, – ответила она, отмахиваясь.

– Я сказал возьмите, – и продолжил стоять с протянутой рукой.

Она мотнула головой в знак отказа. Я не собираюсь с ней церемониться, её жалость мне не требуется.

– Возьми эти сраные деньги! – сигарета выпала из моего рта, и какой-то прохожий наступил на неё.

– Чёрт!

– Я могу дать ещё одну, если нуж...

– Да не нужна мне ничья помощь! – рявкнул я и, развернувшись, ушёл.

Ненавижу жалость. На протяжении всей моей жизни люди только и делают, что испытывают именно это чувство по отношению ко мне. Я не нуждаюсь в ней, я не калека. Жить в таких условиях становится ужаснее и невыносимее с каждым днем.

По прибытии домой, не раздумывая, достал пачку модафинила. Обычно мне требуется доза размером в сто-двести грамм, но после сегодняшнего нужно больше привычного. Не обращая внимания на телефонный звонок, принял лекарство. Прошло мгновение, после которого у меня началось головокружение, я больше не был в состоянии контролировать свои действия.

После того, как я подобрал препарат с лекарством, мой телефон вновь завибрировал. Мама... Семнадцать пропущенных за ночь. Решив, что её следует успокоить, набрал номер. Через два гудка послышался голос на том конце провода:

– Норман! Норман, с тобой всё в порядке?! – я даже не смог понять, в ярости или в испуге она, потому что её крик заглушил все мои слуховые рецепторы.

– Мам, не кричи так громко, я прошу тебя. Я в полном порядке.

– Мне приехать? Твой голос звучит не так, как мне хотелось бы.

– Не нужно развивать паранойю, я достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе самостоятельно.

– Хорошо, но вечером я всё равно заеду, привезу тебе продуктов. Сынок, ты больше не принимаешь те ужасные стимуляторы?

– Нет, мам, не принимаю. Только модафинил и снотворное, всё в назначенных количествах.

– Хорошо. Тогда до вечера. Целую, и помни: я всегда на связи.

– Пока.

Я опустился на кровать и потёр лицо руками. Она не выдержит повторного вранья, но, увы, не могу по-другому. Пускай думает, что я честен.

После завтрака, состоящего из тостов и горячей кружки крепкого кофе, мне пришлось потрудиться, чтобы найти пакетик стимулятора для устранения дневной сонливости. Я спрятал его специально от матери, дабы обойтись без истерик. Найдя небольшую дозу под ковром, немедленно принял её. Я довольно быстро привык к амфетамину и его воздействию на мой организм. Нельзя сказать, что он категорически запрещён для меня, лишь незначительная доза может быть доступна. Признаюсь честно, не всегда соблюдаю это правило.

Спрятав оставшееся, я надел повседневную одежду, чтобы отправиться на прогулку. Внезапно раздался звонок в дверь. Проверив глазок, я никого не обнаружил. Открыл дверь. Никого. Сзади зазвонил телефон, я поспешил к нему. Никаких звонков и сообщений.

– Думаю, прогулка отменяется, – сказал я себе и сел на кровать, осознавая тот факт, что стимулятор дал о себе знать.

Непроизвольно улыбнувшись, достал ноутбук. В силу отсутствия сна, разумеется, благодаря препарату, я могу позволить себе провести некоторое время за гаджетом.

Спустя минут двадцать, прочитав о политических отношениях стран и об экономическом состоянии своей страны, понял, что мне скучно. Я уже собрался выключать ноутбук, как сразу передумал. Майкл позвонил в Skype. Он самый надежный человек в моей больной жизни, дружба с которым проверена годами. Я сразу нажал на кнопку принятия вызова.

– Ну как ты? – лицо друга появилось на экране моего монитора.

– После твоего подарка значительно лучше, – ухмыльнулся я, и Майкл понял, что я имею в виду амфетамин, который он подогнал мне несколько недель назад.

– Рад, что могу помочь, только ты не злоупотребляй, – я закатил глаза. – Звоню, чтобы предложить вечером сходить в какой-нибудь паб. Я знаю хорошее место, и оно находится недалеко от тебя, так что ты без проблем сможешь добраться до дома, не без моей помощи, конечно, – моя улыбка начала угасать после его предложения развлечься и последующих слов: – Я познакомлю тебя с такой цыпочкой, чувак...

– Ты извини, но, – я отвел взгляд, – сегодня на вечер у меня запись на MSLT-тест для выяснения...

– Для выяснения изменения или стабильности твоих симптомов, – подхватил Майкл. – Я всё понимаю, Норман. Надеюсь, что результаты будут положительными.

В его голосе я всегда слышу эту нотку надежды, но мы оба знаем, что изменений не предвидится.

– ...Спасибо, – выдавил я.

– В другой раз.

– Да, в другой раз.

– Отдыхай. До связи. – Удачи.

Отключившись, я закрыл крышку ноутбука и отложил его в сторону.

Голова снова стала тяжёлой, но не от появления очередных симптомов, а от осознания того, что являюсь беспомощным мусором, который засоряет жизни родных и близких мне людей. Тяжело вздохнув, я нашёл в себе силы и поплёлся в коридор, чтобы всё-таки выйти на улицу.

Я бродил по переулкам и размышлял. Каждый день мне приходится это делать, потому что на большее не способен. Буквально три года назад у меня было всё: отличная работа, приносившая весьма значительный доход, машина, внимание девушек, здоровый и полный сил организм... Я ни на что не жаловался, но со временем начались потеря активности, боли в суставах, чрезмерная сонливость и усталость. Врач-невролог начал проводить ряд исследований и анализов для выяснения причины сбоя в системе моего организма. Результат оказался ужасным: неизлечимое заболевание – нарколепсия. Именно тогда, после оглашения диагноза, я потерял всё. Потерял надежду, с которой когда-то смотрел в своё будущее, которое, как мне казалось, должно было быть ярким, успешным и безоблачным. Мне пришлось бросить работу бармена в клубе, продать машину и начать жить спокойной размеренной жизнью, принимая различного рода лекарства и стимуляторы.

После нескольких месяцев узнал, что моему организму будут полезны психотропные вещества, ускоряющие работу мозга и тела. Решив, что это – единственное решение моей про-

блемы, я обратился за помощью к Майклу. Уже в течение двух лет он старается выполнять мои просьбы, хотя сам против этих затей. Именно после первой дозы амфетамина у меня появилось пристрастие к нему. Никогда прежде не принимал больше положенного, но с каждым днем невидимая сила подталкивает меня к этому.

Я продолжал идти, медленно вышагивая. Наблюдая за суетой прохожих, невольно морщился, понимая, что уже не буду в их числе, так как не имею ни забот, ни проблем, кроме одной – болезни, которая никогда не покинет меня.

Перед тестом в центре я решил ненадолго зайти в какой-нибудь бар и выпить пива для дальнейшего бодрствования. Первый попавшийся паб под названием «Alibi» вполне подойдет. Зайдя внутрь, понял, что бывал здесь раньше, еще будучи здоровым. Я обратил внимание на парня, работающего за барной стойкой. Мое подсознание на доли секунды перенеслось в те времена, когда я был лучшим в своём деле. Сейчас мне только остается смириться с такой жизнью и с тем, что теперь я узник собственного тела.

Встряхнув головой, вернулся в реальность.

– Чего желаете? – последовал вопрос от бармена. На рубашке я увидел бейджик, на котором было выгравировано имя: «Николас».

– Кружку пива, пожалуйста.

– У Вас имеется с собой документ, удостоверяющий Вашу личность с прописанным в нём возрастом?

Неужели я выгляжу моложе своих лет? Из-за того, что в каждодневный рацион препаратов добавляются новые, которые не всегда хорошо усваиваются моим организмом, из-за значительного количества процедур и анализов мне казалось, что постарел лет на пять минимум.

Нервно выдохнув, я вспомнил, что нахожусь в пиджаке, в котором вчера пребывал на полисомнографии. Достав из кармана пропуск в лабораторию, ткнул указательным пальцем в графу, гласившую о том, что мне двадцать четыре года.

– «Miller», если можно, – сказал я, убирая карту пропуска обратно в карман. Через несколько секунд Николас поставил кружку пива передо мной.

– Три доллара и девяносто девять центов, сэр, – блеск его белых зубов скоро ослепил бы меня, и я точно потерял бы зрение, поэтому, заплатив, направился к небольшому столику у окна. Отхлебнув содержимое кружки, вспомнил слова мамы, которые она твердит беспрестанно: «Никакого алкоголя, табака и стимуляторов, Норман, иначе придётся отвечать за последствия!»

Какие к чертям последствия? Неужели мне есть, что терять? Каждый мой день – это очередная попытка выжить, постоянно я нахожусь в борьбе со своим телом. Начинаю понимать, что в этом нет смысла, ведь я такой навсегда.

Я рассуждал, но знакомый голос девушки вырвал меня из чертог разума.

– Добрый день, извините, что помешала, – это была та продавщица ларька. – Я увидела Вас в окне и решила подойти, чтобы извиниться за вчерашнее.

Я прокрутил в голове события вчерашнего дня, но не смог вспомнить, что произошло. Пытаясь быть как можно деликатнее, произнёс:

– Извини, но... Дело в том, что я не понимаю, о чём ты говоришь и за что извиняешься.

На её лице появилась тень улыбки, возможно, она подумала, что я решил забыть «обиды», но, к сожалению или к счастью, у меня действительно провал в памяти.

– Ладно, в таком случае, я пойду, – я заметил её растерянность и решил действовать.

– Хочешь выпить? Со мной...

Немного помявшись на месте, она повернулась ко мне лицом. Уголки рта были приподняты, а в глазах загорелись маленькие огоньки, подобные звёздам. Если я и не помню, что произошло тогда у магазина, то точно помню, что она оставила хорошие впечатления о себе.

– Мне то же, что и у тебя, – пролепетала она, присаживаясь напротив меня. Я улыбнулся и направился к бару. Пока ожидал заказа, у меня была возможность разглядеть её.

Незнакомка была одета в белоснежное платье, которое прекрасно подчеркивало её фигуру, смуглая кожа, карамельные волосы переливались под лучами солнца, которое просачивались через стекло.

Она оглянулась, затем слегка хихикнула, догадавшись, что я бесцеремонно пялюсь в её сторону. Вспомнив о заказе, отвернулся, чтобы забрать его. По пути к столику почувствовал, как начала неметь рука. Чёрт!

Я ускорился. Добежав до стола, поставил кружку пива перед моей новой знакомой так, что жидкость слегка расплескалась, образовав мокрое пятно на её платье. Понимая, что сейчас не в состоянии извиняться, мне пришлось сесть на место и достать препарат с кломипрамином. Судорожно распаковав лекарство, принял внутрь нужную дозу и запил пивом. Вытянув руку перед собой, я ждал появления результата. Вскоре у меня получилось придать движение пальцам. Девушка все это время наблюдала за мной и моими действиями. Я взглянул на неё и тут же вспомнил о том, что испачкал её платье.

– Прости меня... Я не хотел, честно, – это всё, что я смог сказать.

Оторвавшись от меня и моей руки, она бросила взгляд на пятно, а затем махнула на него рукой и сделала глоток из кружки, которую я принес ей, и вместе с ней столько проблем.

– Ничего страшного, можно постирать, – её улыбка убедила меня в том, что она не расстроилась. В этот раз пронесло. – Аннабель, – она убрала прядь волос с щеки за ухо. – Меня зовут Аннабель.

– Норман, – и мы улыбнулись друг другу.

В моей жизни давно не было таких моментов, и именно сейчас я чувствую себя полноценным человеком, для которого не существует преград. Хотя бы мысленно, но я стараюсь ухватиться за это чувство как можно крепче.

Мы говорили практически обо всём: о еде, о книгах, ведь Аннабель, как оказалось, поклонница жанра фантастики, о прохожих за окном, мы старались угадать имя и род занятий каждого, с которым нас разделяло стекло паба.

– Спасибо, что... – меня прервал телефонный звонок мамы.

Улыбка Анны, мы условились, что я смогу её так называть, начала медленно угасать.

– Норман, где тебя носит?! У тебя через полчаса тест в центре! – мне пришлось закатить глаза, потому что у меня ещё есть время для того, чтобы добраться до процедурного комплекса.

– Я недалеко и скоро буду в лаборатории, не паникуй. Пока.

– Буду ждать тебя там.

Я отключился и убрал телефон в карман. Собравшись с мыслями, вздохнул:

– Мы здорово провели время вм...

– Да, мне тоже пора, – она все поняла.

– Если хочешь, можем встретиться ещё раз в ближайшее время, – я старался быть менее навязчивым.

– А ты хочешь этого? – Анна склонила голову на бок и хитро улыбнулась.

– Тогда до встречи, – я поднялся. – Извини за платье.

– До встречи, – она сделала последний глоток, после которого встала, и мы вышли наружу.

На улице уже смеркалось. Люди, торопившиеся домой на своих машинах, образовывали пробки, из-за чего движение казалось очень медленным.

Я в последний раз взглянул на Аннабель, она подмигнула мне, затем развернулась, и мы начали отдаляться друг от друга.

Подходя к исследовательскому центру, заметил маму у входа.

– Ну наконец-то!

– У нас в запасе ещё есть пара минут, – сказал я ей и слегка улыбнулся. Не понимая, в чём причина моего хорошего настроения, она направилась внутрь.

– Как твоё самочувствие? – спросил мой лечащий врач, одновременно подготавливая механизм для теста множественных латентностей сна (MSLT-тест).

– Стабильное, никаких изменений... Только... – я замялся с объяснением. Врач и мама внимательно уставились на меня. – Только сегодня я ощутил, что не помню некоторые моменты, которые происходили со мной вчера. Это как-то может быть связано с нарколепсией?

– Ложись, проведём диагностику.

Обычно это занимает несколько часов, а иногда и целый день, но в этот раз всё оказалось быстрее.

– Поднимайся, – сказал врач после того, как снял с моего лица провода.

– Что-то случилось? – взволнованно спросила мама у невролога, смятение которого заметил и я.

– Норман, за этот месяц приступы нарколепсии участились, и это привело к тому, что системы головного мозга начали работать медленнее. Ты начал забывать моменты, которые могли происходить ранее. Я выпишу парочку антидепрессантов и стимуляторов, но не знаю, подействуют ли они. Не стоит расстраиваться и унывать, когда-нибудь такое всё равно произошло бы, это был лишь вопрос времени. Без этих симптомов нарколепсия не может обойтись.

С широко распахнутыми глазами я внимательно слушал его вердикт. Никакая физическая боль несравнима с той болью, которую мне нанесли слова врача. Язык отказался мне подчиняться, и я не смог выговорить ни слова. На секунду показалось, что для меня вынесен новый приговор.

ГЛАВА II

Я не порекомендую наркотики и безумие каждому, но в моём случае они всегда работали отлично.

Хантер Стоктон Томпсон

Первые несколько дней после последнего посещения исследовательского центра я старался не просыпаться, надеясь, что вся моя жизнь – лишь сон. Сны всегда помогают забыть о той проклятой реальности, в которой ты находишься. Но, несмотря на отвращение ко всему окружающему, мне приходилось подниматься для приёма медикаментов, и, употребив их, сразу плёлся обратно в постель, уже скомканную и грязную.

После каждого пробуждения сковывало всё тело, после чего я некоторое время не мог двигаться, в голове присутствовали постоянные шумы, которые доводили меня до состояния раздраженности, из-за жара, охватившего с ног до головы, капли пота струились прямо на подушку, но я не позволял себе подняться.

Каждый день я вставал лишь для того, чтобы открыть новый пакетик амфетамина, он помогал мне утонуть в пучине экстаза и не думать ни о чём. Желание разговаривать с кем-либо полностью отпало, хотя многие пытались связаться со мной. Как-то я хотел пойти к тому ларьку для встречи с Аннабель, но понял, что для такой цели нужно, прежде всего, привести себя в порядок, а не появляться в таком ущемлённом состоянии.

Капли тёплой воды струились на моё тело, согревая и расслабляя. Наконец, нашёл в себе силы и поднялся с кровати. Сегодня я был намерен выйти на улицу, чтобы хоть как-то убить время, которого у меня, уже как три года, навалом.

После душа вновь почувствовал себя человеком из-за свежести и ощущения чистоты, которые мне подарила вода. Обмотав бархатное полотенце вокруг бёдер, я подошёл к зеркалу и протёр его, чтобы увидеть отражение своего лица.

Неделя, которую я провёл дома, абстрагировавшись от мира и принимая порошок в неблагоприятных для моего организма количествах, отразилась на лице не самым лучшим образом. Усталый вид, хотя это привычная для меня физиономия, синяки под глазами и исхудавшее лицо – основные категории, описывающие моё нынешнее состояние. Проведя рукой по лёгкой щетине, я понял, что следует побриться. Намазав лицо пеной, взял бритву. Прислонив лезвие к лицу, я вновь задумался.

– Вы хотите сказать, что болезнь продолжает прогрессировать? – возмущённо спросила мама у врача-невролога. Я продолжал сидеть, не шевеля ни единой частью тела, и слушал.

– Миссис Андерсон, симптомы нарколепсии всегда стандартны, поэтому, как я уже сказал, ухудшение памяти было неизбежно, – спокойным голосом произнёс доктор.

Иногда мне кажется, что некоторые врачи относятся к своим пациентам, как к биоматериалу, над которым можно ставить эксперименты и опыты, и при этом не чувствуют ни сострадания, ни жалости.

– И Вы ничего не можете сделать, чтобы замедлить этот процесс?! – мама начала повышать голос. Я же продолжал сидеть в стороне.

– До настоящего времени причины развития, тем более лечения или ослабления нарколепсии недостаточно изучены, я говорил Вам об этом ещё на начальной стадии развития болезни...

Не дослушав до конца слова врача, я встал и вышел из его кабинета. Каждый раз, когда слушаю выводы невролога о результатах анализов или исследований, возникает чувство, будто гроб для моего бездыханного тела уже приготовлен и его скорее хотят туда поместить, заколотить гвоздями и больше не вспоминать. День за днем мои состояние и мировоззрение меняются, и я наблюдаю за тем, как мама терпит это. Больше всего жаль её, ведь все эти годы она только и делала, что ухаживала за мной.

На улице уже царил глубокая ночь. Процедурные наблюдения за моим организмом часто заканчиваются в такое время суток. Яркие фонари, фары машин и вывески различных заведений слепили глаза.

Прогуливаясь по пустым улицам и размышляя, меня посетила мысль о том, что сигареты закончились. Попав в первый круглосуточный магазин, я купил пачку Marlboro и зажигалку, заплатив чуть больше десяти долларов. Сразу достав одну сигарету, зажёл её и сделал глубокую затяжку.

Прекрасное и успокаивающее чувство.

Открыв дверь своей квартиры и осмотревшись, тяжело вздохнул. Каждый день одно и то же. Чтобы забыться, я упал на кровать с мечтой больше никогда не просыпаться.

Увлёкшись мыслями, не заметил, как оставил глубокий порез на щеке.

– Проклятье! – прошипел я, затем открыл шкафчик и достал небольшую аптечку, в которой находились самые необходимые медикаменты. Спустя минуту нашёл пластырь и, умывшись, заклеил им рану.

Следующий час я прибирался в квартире, потому что за неделю она превратилась в настоящую свалку. Закончив уборку, выпил чашку чая, а затем оделся. С собой решил захватить пару таблеток кломипрамина и пакетик с амфетамином, заранее прогнозируя тяжёлые случаи.

Полдень. Улицы были наполнены людьми, которые сустились и бежали каждый по своим делам. Я направился к магазинчику, где работает Анна.

Быстро отыскав его, остановился. Аннабель стояла около входа и яростно разговаривала с каким-то парнем. Он показался мне подозрительным, и я прищурился, чтобы рассмотреть его получше.

Незнакомец был одет футболку, рваные джинсы и кроссовки – слишком смело для погоды в плюс десять. Он во весь рот что-то жевал, это действие раздражало, но ещё больше

бесило то, как он общается с Аннабель. Его резкая жестикуляция и дерзкое выражение лица заставили меня поторопиться к ним.

Заметив меня, Анна улыбнулась, я махнул ей рукой в знак приветствия и тоже приподнял уголки рта. Не успел я сказать «Привет», как этот парень вякнул:

– А это ещё кто?

– Мой очень хороший друг. Крис – Норман, Норман – Крис, – представила нас Анна.

Уродец Крис протянул мне свою слабо жилистую руку, ожидая ответа на рукопожатие, но как жаль, что этого не произойдёт. Нервно поморщившись, он убрал свою конечность, видимо, осознавая, что я не собираюсь её пожимать.

– Крис, я думаю, мы закончили, – сказала Аннабель, а после отвернулась и приблизилась ко мне, но тот схватил её за руку и притянул обратно.

– Что ты делаешь?! Отпусти!

Перехватив его запястье, я отвел парня подальше от Анны и тихим басом произнёс ему в лицо:

– Мне кажется, или она сказала, что ты можешь идти?

– Думаю, тебе кажется, чувак, – ехидно улыбаясь, произнёс Крис.

Шум на улице начал заглушать наш разговор и отражаться у меня в голове. Я почувствовал, что мне становится тесно и неудобно. Отпустив запястье парня, схватился за виски, ощущение дискомфорта вновь охватило меня с ног до головы. Я стою, не могу пошевелиться из-за тупой ноющей боли в голове, ориентироваться в пространстве больше не получается.

– Норман, ты в п-о-рядке? – расслышал я приглушенный голос Анны. – Крис, ему нужна помощь! – пропищала она и кинулась ко мне.

– Не лезь! – прорычал я и оттолкнул её, затем, упав на колени и судорожно нащупав одно из лекарств в кармане брюк, вытащил его. Освободил из пачки одну таблетку, видимо, модафинила, но она выскочила из моих рук. Чёрт! Нелепое существо! Протерев глаза для ясной видимости, я потянулся за таблеткой, но чья-то нога безжалостно раздавила её.

Дикий крик вырывается у меня изо рта от осознания безвыходности положения. Моё сумасшествие стерло все границы.

– ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ? – уже едва расслышал я голос Аннабель.

Затем послышался лёгкий толчок, а дальше сильная боль в голове и темнота...

Щелчок.

Слегка приподняв веки, я заметил суету вокруг себя. За руку меня держала Анна, в другую руку была воткнута игла. На лице Аннабель появилась легкая тень от улыбки. Я не хочу моргать, потому что, если сделаю это, то снова провалюсь в то сонное пространство, из которого вернулся пару секунд назад.

– Ты очнулся, – выдохнула девушка, но выражение её лица опять сменилось на беспокойное, потому что я вновь погрузился в сон.

Щелчок.

На этот раз я был уверен, что проснулся.

Поднявшись на локтях, огляделся. Белые стены, которые были настолько яркими и насыщенными, что рябило в глазах, в комнате стоял запах фенола, капельница с иглой в руке, я лежал на небольшой больничной койке, на тумбочке лежали мои медикаменты, в том числе и амфетамин. Проклятье.

Недалеко от меня в кресле, свернувшись калачиком, спала Аннабель. Она всё это время была здесь? Мне стало неловко.

Отхлебнув глоток воды из стакана, который тоже стоял на тумбе, я встал, перед этим осторожно вынул иглу из внутренней стороны локтя. Затем взял плед, лежавший на кровати, и накрыл им Анну. Она сопела во сне, и это придавало ей ещё более ангельский вид, но усталость отражалась на ней не меньше. Ужасно, что именно я стал причиной её утомления. Нужно загладить свою вину. Нежно проведя пальцами по её щеке, меня посетило странное чувство. Это чувство давало понять, что я никогда не смогу завести настоящие отношения из-за нарколепсии. Кому я буду нужен? О себе-то позаботиться не в состоянии, что тут говорить о девушке? А о семье я вообще молчу. У меня никогда не будет сына, которого я смог бы научить рыбалке или же вождению машины. У меня никогда не будет дочки, которая смогла бы унаследовать от меня хорошие качества, которую я смог бы отлично воспитать, а затем она, без сомнения, стала бы прекрасной девушкой, подходящей для любого молодого человека. Ком в горле засел так глубоко, что стало тяжело дышать. Вряд ли я заслуживаю полноценной жизни, ведь для этого нужно быть соответствующим человеком.

В коридоре царили тишина и покой. Настенные часы показывали пять утра. Прогуливаясь по пустым коридорам, я понял, что влюбился в тишину утренней больницы. Спокойствие и умиротворение заполняли мою душу.

В конце коридора увидел открытую дверь. Медленными и едва слышными шагами я начал приближаться к ней. Это была одноместная палата. Около окна сидела Хейзел – та самая девочка, которую я встретил здесь чуть больше недели назад. Я слабо постучал в открытую дверь. Хейзел оглянулась и, заметив меня, приподняла уголки рта.

– Норман... Привет, – шепотом произнесла она.

– Можно? – спросил я и одной ногой переступил порог палаты. Хейзел кивнула и рукой показала на стул, который стоял рядом с её коляской. Я осторожно вошёл и сел на него.

– Ты так и не сказал, что значит твоё имя, – сказала девочка, продолжая смотреть в окно, будто меня здесь и нет.

– Ээ... Норман значит «северный человек», – Хейзел перевела взгляд на меня.

– Какая твоя планета? – сначала я не понял вопроса, но потом до меня дошло.

– Меркурий, а твоя?

– Юпитер. Ты любишь звезды? – она вновь взглянула в окно.

– Ну, наверное...

– У меня эпилепсия, а у тебя? – её взгляд вновь остановился на мне.

– Нарк... – Хейзел перестала моргать. Её глаза смотрели в одну точку. – Хейзел, ты в порядке?

Молчание.

– Хейзел!

Я сорвался с места, чтобы нажать на кнопку вызова, которая находилась у кровати. Нажав три раза, обернулся к малышке. Она медленно перевела взгляд на меня. Какого чёрта? Я, не отрывая взгляда от её лица, подошёл и сел обратно на стул. В палату вбежал врач, а за ним медсестра.

– Что здесь произошло? – спросил он, а затем подошел к Хейзел.

– Мы разговаривали, доктор, – пояснила девочка.

– Вы знали, что Норман значит «северный человек»? А моё «лесной орех», знали?

– Да, дорогая, – сказал врач, затем поцеловал её в макушку, посмотрел на меня и качнул головой в сторону двери.

– Ещё увидимся, – с улыбкой произнес я и покинул своё прежнее место.

– Что здесь было? – спросил врач, когда мы вышли в коридор.

– Хейзел внезапно замерла во время нашего разговора, её взгляд стал каким-то... пустым, я не знаю. Она перестала реагировать на меня, тогда я кинулся к кнопке, чтобы позвать помощь. Но не прошло и минуты, как она стала прежней.

Во время моего объяснения, доктор кивал головой, видимо, понимая, о чём идет речь.

– Это процесс отсутствующего взгляда и оторванности от мира называется бессудорожным генерализованным приступом. Абсансы – побочный симптом эпилепсии. Хейзел прово-

дит в этой клинике уже третий год, но болезнь только прогрессирует. Вчера девочка внезапно потеряла сознание во время обеда.

От услышанного у меня пропал дар речи. Бедный ребенок. Не могу представить, какого ей в таком возрасте переносить подобные мучения. В очередной раз понимаю, что мой недуг по сравнению с её, – облегчение. Мне двадцать четыре, и мне тяжело жить, а как справляется она?

Как же хрупок человеческий организм. Вчера ты бежал кросс в пятнадцать километров, а сегодня ты инвалид. Жизнь несправедлива.

Вернувшись в палату, я увидел, как Аннабель о чём-то беседовала с мамой. Она что тут делает?

– Сынок! – взвыла она. Я позволил ей обхватить меня своими шершавыми руками за шею. Мама тяжело всхлипывала. Только не это! Анна стояла в стороне и умилялась. Я невольно ухмыльнулся.

– Ну, всё, мам, – сказал я и отстранился от неё. Нелепо вытирая слезы пальцами, она всё же отошла.

– Как такое произошло? – успокоившись и выпив стакан воды, спросила она.

– Как это обычно и происходит, ты будто не знаешь, – нервно ответил я. – Теперь всё хорошо.

– Спасибо, дорогая, что помогла ему, – поблагодарила мама Анну и взяла её за руку. – Если бы не ты...

И она вновь поддалась эмоциям. Решив, что пора прекращать разводить нюни, я выдавил:

– Мы с Аннабель хотели прогуляться, – быстро переведя на неё взгляд, я подал ей знак, что пора уходить.

– Да, миссис...

– Андерсон, – подхватил я и улыбнулся.

– Извините. Да, миссис Андерсон, мы планировали. Я присмотрю за ним.

Я закатил глаза. Долго раздумывая, мама всё-таки решила нас покинуть, перед этим оставив мне тысячу указаний и примечаний.

Двадцать четыре года. Двадцать четыре. Я, конечно, понимаю, что последствия болезни заставляют её переживать за меня, но в течение трёх лет, мне кажется, я доказал ей, что могу справиться сам.

Покинув территорию центра, Аннабель остановила меня со словами:

– Подожди, мне кое-что нужно тебе отдать. Она протянула мне пакетик с амфетамином, который лежал на тумбочке в палате.

– Я подумала, что никому не стоит видеть это, поэтому стащила, пока была одна, – Анна пожала плечами.

– Спасибо, но... Что ты думаешь на счёт этого? – я показал на пакетик, перед тем как забрать.

– Я ничего не думаю, просто... Не понимаю зачем тебе это, ты и так не здоров, – она развернулась и начала отдаляться от меня.

– Прости, что тебе пришлось всё это увидеть, – крикнул я ей вслед.

– Увидеть что? – спросила Аннабель, не оборачиваясь.

– Не прикидывайся, будто всё хорошо.

Она медленно подошла с опущенными глазами, затем подняла их и взглянула на меня.

– Почему ты не говорил о своей болезни?

– Мы виделись всего один раз, и тогда, поступив так нелепо, мне стало стыдно. Зачем тебе нужно было это знать?

– Вдруг я смогла бы тебе помочь, – пролепетала она, но потом задумалась. Как эта хрупкая девушка может такое говорить и предлагать помощь?

– Анна, мне не нужна помощь, тем более от тебя.

Она вновь отстранилась.

– Я сам справляюсь...

– Сегодня я убедилась в том, что ты не всегда можешь это делать самостоятельно, Норман, – впервые за время нашего общения я услышал её голос, в котором прозвучали нотки серьёзности.

Подошёл к Анне и взял за руку. Она была холодной, но я всё равно почувствовал нежность её кожи.

Мы решили прогуляться по скверу. Погода была солнечной и приятной, люди выходили на улицу в хорошем расположении духа, об этом свидетельствовали их смех и радость, которые они издавали в округе. Кто-то проводил время с семьёй, кто-то с друзьями, кто-то с любимыми. На секунду я почувствовал, что похож на них: такой же беззаботный и счастливый.

– Сколько тебе лет? – последовал вопрос от моей очаровательной спутницы.

– Двадцать четыре. Тебе ведь около двадцати, верно?

– Двадцать один.

– Почти в точку, – игриво произнес я.

– Учишься ещё, наверное?

– Да, заканчиваю факультет педагогики, – на её лице появилось мечтательное выражение, и я понял: это именно то, чего она хочет и добивается. Не мог представить, что её интересует именно эта сфера. Рад, ведь у неё есть занятость согласно своим интересам, чего категорически нельзя сказать обо мне. Я бы тоже хотел работать, заниматься любимым делом, но обстоятельства лишили меня такой возможности. Опять проблема в болезни. Спустя столько лет я до сих пор не в состоянии смириться с нарколепсией.

– Это действительно здорово, Анна, – я улыбнулся, но она заметила моё смятение.

– Ты не пробовал найти что-нибудь подходящее?

– Вряд ли меня возьмут куда-нибудь...

– Извини, если я покажусь слишком любопытной и наглой, но можно задать вопрос?

– Конечно.

– Чем ты конкретно болен и как давно?

– У меня нарколепсия уже три года, – сказал я, затем повел её к лавочке в парке. После того, как мы сели, она продолжила:

– Что такое нарколепсия?

– В общем, эта болезнь характеризуется сбоями в нервной системе. Почти каждый день меня преследуют приступы тяжёлой сонливости и невыносимой усталости, я не в силах с ними справиться. Это заложено самой нарколепсией, она управляет моим телом.

Аннабель тяжело сглотнула и уставилась на меня.

– Но, когда ты опрокинул на меня пиво, а затем принял какой-то препарат... Это... Это ведь было затекание руки?

– Да, в нарколепсии это называется катаплексией. Происходит внезапная потеря мышечного тонуса. Иногда из-за этого я не могу нормально ходить, говорить или делать что-либо. Часто такое происходит после пробуждения и...

Взглянул на Анну и заметил влажность у её глаз. Тогда я и закрыл рот. Она смотрела на меня и молчала. Никогда прежде я не встречался с такой реакцией. В очередной раз убедился, что Анна очень ранимая и хрупкая. Пребывая в молчании и лицемерии друг друга, я вновь смог рассмотреть черты её прекрасного лица. Внезапно она встала и обняла меня своими тонкими руками, затем пробормотала:

– Мне безумно... Безумно жаль. Я очень хотела бы тебе помочь, но понимаю, что не могу, – она всхлипывала, тогда я позволил себе аккуратно обхватить её руками.

Ещё около часа мы гуляли, болтали о ерунде, дышали свежим воздухом. Я давно не чувствовал себя так спокойно и хорошо. Аннабель будто вдохнула в меня глоток свежего воздуха. Я хочу проводить время с ней, хочу узнавать её лучше с каждым днём, хочу продолжать наше общение, во что бы то ни стало.

– Кто этот Крис? – подходя к лаборатории, спросил я, стараясь быть как можно деликатнее.

– Как бы попроще сказать, – почесав затылок, сказала Анна. – Он не то чтобы друг, мы познакомились на первом курсе института, начали хорошо общаться, но однажды ему захотелось большего. А я отказала.

– Что же тогда вы обсуждали?

– Он предлагал встретиться, – с неохотой объяснила Аннабель.

– И ты...

– Нет. И прости за его поведение. Это ведь он раздавил капсулу, – она виновато опустила глаза.

– Ты здесь ни при чем, Анна, не нужно извинений.

Улыбнувшись друг другу, мы вошли в клинику.

ГЛАВА III

Ты думаешь, стоит захотеть, и ты бросишь, но это как сон. А сон нельзя остановить. Он продолжается вопреки твоей воле. И вдруг ты понимаешь, что ты бессилен...

«Дневник баскетболиста» (1995)

Моя жизнь протекала строго по расписанию: проснулся, поел, сходил на одну процедуру, затем на другую, прогулялся, следом новые процедуры, анализы или тесты, почти за полночь я приходил домой, ложился спать, но даже сон не мог избавить меня от каждодневного однообразия. Он, как и явь, сопровождался дикими приступами чертовой нарколепсии. Поражает, что я, спустя столько времени, не смог привыкнуть ко всему этому дерьму. Думаю, этого и не произойдет. Какой человек сможет смириться с неизлечимой болезнью, которая поглотила его? Временами я проклиная себя и свою жизнь.

Пустота – вот, что образовалось у меня в душе, она медленно, но верно превращала меня в овоща.

Аннабель своим появлением привнесла в мою сухую и серую обыденность немного красок. Дни стали разнообразнее, часы интереснее, а минуты значимее. Мягкий взгляд и проникновенный голос Анны действовали на меня не хуже, чем наркотик или успокоительное. Мы часто встречались и гуляли, рассказывали о том, что и как происходило в наших жизнях. Её истории были гораздо интереснее и увлекательнее моих. Во время приступов, которые происходили чуть ли не каждый час, она старалась мне помочь: присесть, если это требовалось, достать из кармана седативные или позвать на помощь.

Мы стали настоящими друзьями, а может и нет... Хотя «может» здесь неуместно. Я выстроил для себя цепочку событий, которые помогли бы мне приблизиться к Аннабель и стать ей не просто другом, а кем-то более близким. Но это лишь сказочные надежды, пустые намерения, которым не суждено воплотиться в жизнь. Любой идиот понял бы.

Прошло, наверное, около трёх недель после моего последнего случая попадания в клинику. Сегодня Анна пригласила меня на ужин. По пятницам, как сказала она, её мать готовит лазанью. Принимая это приглашение, я очень долго думал. У меня однозначно будет приступ. Что тогда я должен буду делать? Аннабель уговорила меня, успокоив тем, что она будет рядом и поможет, если возникнут проблемы. Хотя я и знал, что облажаюсь, всё-таки согласился.

Собираясь на званый ужин, решил, что следует выглядеть подобающе, поэтому надел светлую рубашку и брюки. Также я не забыл о лекарствах. Засунув их в карманы, мой взгляд остановился на ковре. Подойдя к нему ближе, вытащил пакетик с амфетамином. Глаза не отрывались от него. Вскоре я аккуратно сложил препарат и засунул к остальным. По дороге в дом к Аннабель, адрес которого она сообщила мне по телефону, купил небольшой торт к чаю и только потом поехал к девушке.

Дом оказался небольшим. Стены окрашены в кремовый цвет, просторная лужайка, заполняющая всю территорию, была аккуратно пострижена. Что уж говорить, скромный, но по своему прекрасный уголок семейства Анны.

Я остановился на пороге. Звонок. Через пару секунд дверь открыла, судя по всему, мама Анны.

– Добрый вечер. Вы, наверное, Норман? Миссис Льюис, – она протянула мне руку, одновременно посылая широкую улыбку, на секунду мне показалось, что на её лицо одета маска. – Анна мне рассказывала о тебе, проходи.

– Здравствуйте. Огромное спасибо за приглашение, – улыбнувшись в ответ и пожав ей руку, ответил я, затем вошёл в уютный дом.

Внутри всё оказалось не менее приятным и не могло не радовать глаз. Интерьер наверняка формировался под строгим и тщательным контролем. Все комнаты были выполнены в стиле прованс.

– Это Вам, – сказал я, протягивая торт миссис Льюис. Опять эта фальшивая улыбка сопровождала её благодарность.

Она пригласила меня в столовую, где уже был накрыт стол.

– Норман, как я рада, что ты пришел! – воскликнула Анна и обняла меня, шепнув на ухо: – Добрался без осложнений?

Я легонько кивнул. За столом сидел мужчина. Когда я зашёл в комнату, он встал, подошел ко мне и протянул руку в знак приветствия со словами:

– Мистер Льюис. Аннабель столько о тебе рассказывала, и мы рады, что представилась возможность познакомиться с тобой поближе.

– Благодарю за приглашение, мистер Льюис, – я повторно, как и с матерью Анны, пожал ему руку, затем перевел взгляд на его дочь. Аннабель смущённо отвела глаза в сторону, это заставило меня улыбнуться.

Вскоре мы все сидели за небольшим столом и уплетали лазанью, которая, между прочим, оказалась невероятно вкусной. За ужином родители Анны рассказывали о том, как они переехали сюда из Дарема, где Аннабель получила прекрасное образование. Переехать её семью вынудили обстоятельства, связанные с финансами. Меня радовал, но в то же время и напрягал тот факт, что никто не спрашивал обо мне.

– Спасибо огромное за столь чудесный ужин, – поблагодарил я мать Анны.

– Да, мам, лазанья как никогда получилась очень вкусной, – широкая улыбка появилась на лице Аннабель. Миссис Льюис слабо улыбнулась нам обоим. Что-то в её взгляде заставляло меня волноваться.

Анна встала, чтобы убрать грязную посуду со стола, я вызвался ей помочь.

– Кажется, ты им понравился, – шепнула она мне, когда мы вошли на кухню.

– Значит, наши чувства взаимны, – сказал я, но сам в это время вспоминал фальшь в глазах и улыбке её матери.

– Ты не рассказала им?

– Нет.

– Хорошо.

Аннабель мыла посуду, а я вытирал её и складывал на место.

Снова знакомый щелчок.

Потемнение в глазах. Возникло чувство, что кто-то кувалдой треснул меня по голове. Руки дрогнули, и тарелка, которую я держал, упала на пол и разбилась.

– Норман! Началось?! Не молчи, прошу тебя!

Вместе со мной Анна опустилась на колени. Её оголенные ноги заполнила кровь от порезов об осколки. Я снова не мог руководить своим телом из-за боли в голове и суставах.

– Таблетки! – крикнула Аннабель сама себе и полезла в карман моих брюк.

Я услышал, как она включила воду, видимо, набирая её в стакан. Опустив меня на спину, придерживая шею одной рукой, Анна засунула капсулу мне в рот, затем последовала вода.

– Аннабель! – я услышал визг матери Анны. Только не это!

Дальнейшее развитие событий отнюдь не успокоило, потому что таблетка не помогла мне, а только усилила боль в голове. Я лежал на кафеле и дёргался как человек, у которого произошел приступ лихорадки. Аннабель бегала вокруг меня и не знала, как помочь. Мать и отец что-то ей говорили, но я не мог разобрать их речь.

Внезапно мой слух обострился, и я смог услышать лишь слова Аннабель:

– Выйдите вон, на минуту!

После я почувствовал, что она начала проверять мои карманы. Снова девушка поместила в мой рот таблетку другой консистенции и ту же воду. После нескольких мгновений я, наконец, ощутил положительные изменения.

Шумы начали прекращаться, а мышцы расслабляться. Я приподнялся и сел. Анна сидела на коленях возле меня, её глаза наполнял ужас. Господи, как стыдно!

– Анна, твои ноги... Ради Бога, прости меня, – я закрыл лицо руками. – Я же говорил тебе, говорил... Прости...

Она убрала руки от моего лица и подала полотенце. Я горизонтально качнул головой, давая понять, что мне не нужна повторная помощь.

– Какого черта?! – мать Аннабель снова вбежала на кухню, как ошпаренная.

– Анна, что с твоими ногами?!

– Мама, я сейчас все объясню... – тихо произнесла Аннабель и с трудом начала подниматься.

Я кинулся к ней, чтобы помочь, но тяжелая рука отца Анны опустилась мне на плечо и оттолкнула.

– ТЫ! Это все ты! Я так и знала, что в тебе что-то не так! Ты ошибка природы, недоразумение человечества! Тебе здесь не место, убирайся из моего дома!!! – проорала миссис Льюис, применяя резкую жестикуляцию.

Я почувствовал, как слезы начали подступать, ком в горле увеличиваться, а стыд расти. Самое ужасное чувство – стыдиться самого себя, своей сущности.

– Дорогая, ты преувеличиваешь... – обратился к жене мистер Льюис.

– Замолчи! Замолчите все! Я не собираюсь повторять, убирайся!

– Мама! – в скандал встряла Аннабель, состояние которой уже было на пределе. Она редела, кровь из её колен сочилась ручьями, и причина всему я.

Я начал отстраняться, подходя к выходу. Затем вспомнил, что препараты остались на полу, вернулся буквально на пару секунд, нелепо подобрал их и выбежал из дома.

Не помню, сколько кварталов пробежал. Остановился около небольшого футбольного поля. Упал на колени так, что боль пронзила всё тело. Внутри что-то кололо. Как можно быть настолько ущербным? Своим существованием я наношу только хаос и разрушения. Ничего больше. Я поддался эмоциям. Щёки стали мокрыми, в висках всё сильнее пульсировала кровь. Мне не было стыдно за слезы, мне было стыдно за свое крахонаносящее существование.

Тело тряслось от ненависти к себе и боли. Из рта непроизвольно раздался столь громкий возглас, что звук его эха был слышен в округе. Я кричал от безысходности, от опустошения, от осознания того, что я отвратителен.

У меня никогда не могло быть и не будет нормальной жизни, потому что я болен. Болен и больше никогда не смогу быть здоровым.

Я упал на асфальтированную дорогу спиной. Плевать на боль. Больше не осталось сил бороться. Я слаб, очень слаб. Достав три таблетки амфетамина, принял их. Мне нужно покончить с этим раз и навсегда.

Подул сильный ветер, который заставил поморщиться. Я поднялся, передо мной открылся вид на дорогу, уходившую в даль. Навстречу ко мне по ней шел мужчина средних лет. Прищурившись, я узнал его.

Мой отец.

Он улыбался, я позволил себе сделать то же самое в ответ. Настигнув друг друга, мы обнялись. Я и забыл, каково это – обнимать собственного отца.

Понимая, что это всего лишь иллюзия, которая является последствием большого количества принятого вещества, я старался подольше здесь задержаться.

– Отец, так больше не может продолжаться. Я готов сдаться, – сказал я, когда мы начали продвигаться вперед по дороге, ведущей в бесконечность.

– Сынок, я понимаю тебя, как никто другой, понимаю, насколько тебе тяжело, но ты должен бороться. Ради матери, ради самого себя. Жизнь – бесценный дар, многолетнее испытание, которое ты должен выдержать и перед которым должен устоять. Будь сильным, – он положил мне руку на плечо, я слабо ему улыбнулся. – А теперь мне пора, тебе нельзя надолго здесь задерживаться.

Отец начал меня трясти за плечи.

– Проснись! Норман!!!

Пощечина.

– Отец, прекрати!

– Проснись, я сказал!!!

Я открываю глаза. Вновь меня ослепляет яркий свет, но уже не больничной палаты. Я узнаю это место. Квартира Майкла.

– Норман, ты в порядке?! Я не мог разбудить тебя.

– Мистер Андерсон, как Вы себя чувствуете? – рядом с ним на кровати сидел незнакомый мне врач.

Я плохо понимал, что происходит, и кто этот человек.

– Эм... Я в норме, только немного подташнивает, и кружится голова, – я потер лоб, затем взглянул на друга.

Майкл явно был вне себя от ярости. После того, как мой друг проводил врача за дверь, рванул ко мне.

– Ты идиот?! Нахрена я тебе дал это? – проорал Майкл, указывая пальцем на пакетик с психотропным веществом. – Чтобы ты принимал его тогда, когда тебе захочется и там, где захочется? Ты мог умереть, чёрт возьми! – на секунду он замолчал. – Как я вообще мог так облажаться? Больше никаких препаратов, понял?

Всё время, пока он орал, меня распирали смех, но я удерживался. После окончания его речи, всё-таки позволил дикому ржачу вырваться наружу.

– Ты, видимо, совсем конченный и не понял, что произошло, – уже спокойно произнес мой друг и вышел из комнаты.

Я заставил себя утомиться. Знаю, что ужасно виноват перед ним. Я лежал в гостевой комнате, в которую редко заглядывал, когда бывал у Майкла. В помещении преобладали в основном темные тона, которые придавали угрюмый вид, впрочем, почти как и всем комнатам в его квартире.

Поднялся и вышел в просторный коридор. Нашел душевую, зашел, не запирая дверь. После того, как снял грязную и промокшую от пота одежду, я почувствовал облегчение. Теплая вода струилась по моему телу, это расслабляло. Душ – лучшее успокоительное.

Сполоснувшись, вышел из душевой кабины и накинул халат. Ощутил какую-то тяжесть в теле. Почувствовал, как сократились мышцы брюшного пресса. Прошли доли секунды, как из полости рта вылилось содержимое моего желудка прямо в раковину.

– Дерьмо! – рявкнул я, вытирая рот, но это было ни к чему, так как процесс повторился снова.

В ванную ворвался Майкл.

– Норман, проклятье!

– Прости... – попытался извиниться я, но моё состояние было против этого.

Через полчаса мы убрали ванную комнату, затем я снова принял душ, на этот раз, без происшествий.

После сидел за барной стойкой на кухне у Майкла. Сам он разговаривал по телефону с Эми – своей девушкой.

Она подходила ему по всем параметрам. Мы хорошо знакомы, поэтому уверен в ней. Майкл и Эми вместе уже шесть лет, и я знаю, что они без ума друг от друга. Майкл поговаривал что-то о свадьбе, но решительных действий по отношению к его возлюбленной я от него так и не дождался. Думаю, он недостаточно подготовлен, но, надеюсь, они будут счастливы. Наблюдая за ними, понимаю, что такое могло бы быть и со мной, но, увы, нарколепсия перечеркнула все мои планы и желания. Надежда угасает с каждым днем всё стремительнее.

– Да, Эми, я понял. Люблю тебя, до встречи, – Майкл отложил телефон и подошел ко мне.

Тяжело вздохнув, он облокотился на барную стойку, и начал прожигать меня своим испепеляющим взглядом.

– Еще раз прости, – на выдохе произнес я.

– Ты отдаешь себе отчет о том, что натворил? Я звонил тебе не одну тысячу раз. Пришлось отслеживать тебя, засранца, по телефону. Ты хоть понимаешь, что лежал в блевотине на асфальте посреди улицы? Благо, что на боку, иначе бы захлебнулся собственной же рвотой. Я сразу понял, что дело в амфетамине, и хорошо, что был один. Врача даже пришлось вызывать левого, чтобы никто ничего не заподозрил.

Послышался свист чайника. Майкл отправился наливать чай.

– Мне очень жаль, что всё так вышло, – с поникшей головой сказал я, затем приподнял веко одного глаза, чтобы взглянуть на друга. Он поставил чашку горячего чая передо мной и ответил:

– Ты редкостный ублюдок, Андерсон.

Я сумел подавить улыбку, которая вырывалась наружу.

– Как Эми? – спросил я, прежде чем откусить кусочек кекса.

– Опять проблемы на работе, – Майкл отвел взгляд в сторону.

– Попроси её уволиться.

– Она хочет работать и вносить свою лепту в наш бюджет, я не могу ей запретить.

– Тогда возьми её к себе, – я отхлебнул глоток чая.

– Пока она сама не захочет этого, я не буду лезть. Майкл всегда уважал выбор своих близких. Самый заботливый человек из всех, кого я знаю.

– Ну, а у тебя что стряслось? Не просто так ведь ты лежал заблёванный на дороге?

– Нет, просто... – я дал себе секунду подумать. – Дело в одной девушке, мы...

Майкл поперхнулся чаем. Окатив меня взглядом, полным шока и удивления, он вытащил из шкафчика бара фляжку с дорогим коньяком и подлил себе в кружку с чаем. Друг сделал жест с алкоголем в мою сторону, как бы предлагая и мне, но я отказался.

Залпом выпив содержимое, Майкл уставился на меня, ожидая продолжения истории, которую я, по его же милости, прервал. Я рассказал об Аннабель, о том, как мы познакомились, и как проводили время вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.